

ное выражение, многие положения автора представляются весьма интересными. Так, подчеркивается необходимость дальнейшего изучения проблемы взаимосвязи «социально-профессиональной группы» (СПГ) и социального слоя как социальной общности людей, сходство в характере труда которых продолжается в чертах их образа жизни (с. 77, 78). Раскрывая соотношение этих понятий, В. О. Рукавишников, наряду с другими социологами, высказывает мысль о необходимости изучения внутренней структуры социальных слоев, в частности выделения «ядра» — совокупности лиц, для которых характерны все основные атрибуты данного слоя, и «групп-прослоек», обладающих ими лишь частично (с. 82—84). Можно не согласиться с подобным использованием термина «социально-профессиональная группа», который, на наш взгляд, чаще употребляется как синоним термина «социально-профессиональный слой». Однако нельзя отрицать актуальности поставленной проблемы. Остается только сожалеть, что, располагая солидным эмпирическим материалом, автор ограничился лишь общей ее формулировкой.

Различия в характере труда, социальных и культурных интересах проявляются и в структуре межличностного общения. Эта проблема исследуется в книге на примере гомогенных и гетерогенных в этническом, образовательном и социально-профессиональном плане семей. Материалы этносоциологических исследований анализируются с помощью индексов брачности, предложенных М. В. Птухой и нашедших широкое применение в отечественной социологии, этнографии и демографии. Следует подчеркнуть, что В. О. Рукавишников изучает не браки, заключаемые в течение определенного промежутка времени, а выборочную совокупность семей, отражающую состав всех брачных пар к моменту проведения исследования. Расчет индексов приводит автора к естественному выводу о тенденции к образованию однородных в социальном и этническом отношении семей. Далее автор переходит от раздельного изучения этнических и социальных групп к рассмотрению этносоциальных категорий (например, татары — квалифицированные рабочие, русские — служащие без специального образования). И хотя он делает в этом направлении лишь первые шаги, однако, как нам кажется, их можно рассматривать как подход к изучению закономерностей формирования и воспроизводства этносоциальной структуры, представляющей собой комплексное единство этнической и социальной структур.

Вряд ли в небольшой рецензии мы смогли отразить все сюжеты данной книги, интересные и для этнографа, и для этносоциолога. Да в этом и нет необходимости: внимательный читатель без труда обнаружит множество таких сюжетов в этой работе, выполненной высококвалифицированным и вдумчивым исследователем. Однако, как и в любом большом и в значительной степени новаторском исследовании, далеко не все в нем бесспорно. Один из недостатков — некоторая незавершенность, фрагментарность отдельных линий — уже отмечался нами выше. Можно предъявить претензии и к статистической надежности некоторых результатов. Так, объем выборки в Казани составил 3600 чел. (с. 35), число выделенных для анализа территориальных ячеек — 220 (с. 155). Видно, что среднее число опрошенных в каждой ячейке очень невелико; это снижает надежность оценки доли того или иного признака по каждой ячейке; а ведь полученные данные легли в основу факторного анализа. Вероятно, имело смысл укрупнить единицы, тем более, что территория Таллина разбивалась всего на 23 ячейки, что, по утверждению самого автора, не повлияло на число потенциально возможных факторов дифференциации (с. 156). Представляется, что целый ряд важнейших социально-демографических и экологических показателей целесообразно определять по материалам соответствующих организаций (например, паспортных столов и Отделов загсов, различных отделов райисполкомов и других ведомств), а не выборочных социологических исследований. Не вполне понятной также остается причина, по которой для Казани и Таллина были выбраны разные методы факторного анализа (с. 144, 154).

Как было отмечено в начале рецензии, В. О. Рукавишников ставит очень широкие задачи исследования. В одной работе, даже так насыщенной информацией, как рецензируемая книга, невозможно дать полное решение всех поднятых проблем. В большей степени была решена задача выявления «системы основных факторов, определяющих социально-пространственную дифференциацию советских городов», и в меньшей — задача определения «социальных механизмов, влияющих на этот процесс». Следует ожидать, что автор продолжит исследования в этом направлении. Мы не сомневаемся также, что данная работа, очень интересная по проблематике и результатам, выполненная на высоком научном уровне, привлечет внимание этносоциологов и повлияет на направление их исследований.

А. А. Суколов

А. А. Киселев, Т. А. Киселева. Советские саамы: история, экономика, культура. Мурманск, 1979. 160 с.

Рецензируемая книга посвящена саамам Кольского полуострова — одному из малых народов советского Севера, потомкам древнего населения этого края. Как известно, саамы живут в северных районах четырех государств: Советского Союза, Финляндии, Швеции и Норвегии. Общая их численность в настоящее время составляет примерно 36 тыс. чел., в том числе в СССР, по переписи 1979 г., — около 2 тыс.

В странах Скандинавского полуострова и в Финляндии в условиях капиталистического общества жизнь саамов сопряжена со многими трудностями, борьбой за свои права, за сохранение оленьих пастбищ, на которые пагубно действуют сооружение гид-

розэлектростанций, строительство дорог, вырубка лесных массивов и т. д. В результате саамы вынуждены здесь все чаще оставлять занятия оленеводством — их исконную традиционную отрасль хозяйства — и переходить к другим видам занятий или же уходить в города.

Саамы СССР живут в совершенно других условиях. В их жизни за годы Советской власти произошли огромные прогрессивные перемены. При этом очень важно, что в условиях быстро развивающейся в Мурманской области промышленности, в условиях постоянного притока населения из других районов страны и интенсивных межнациональных контактов кольские саамы продолжают развивать свое традиционное занятие — оленеводство, которое стало важнейшей отраслью экономики Кольского края. Освещение вопросов современного развития кольских саамов очень важно и представляет большой интерес не только для советского читателя, но и для зарубежного, в том числе и для тех саамов, которые живут за пределами Советского Союза.

Книга А. А. и Т. А. Киселевых по существу является первым большим исследованием по истории кольских саамов в советский период. Ее авторы — историки, большие знатоки Кольского Севера, прослеживают историю кольских саамов от первых социалистических преобразований до конца 70-х годов нашего века. При этом авторы не рассматривают саамов изолированно, а показывают их жизнь в тесной связи с жизнью кольских коми, ненцев, русских и других народов, населяющих Кольский полуостров. В основу книги положен огромный материал, собранный авторами в архивах, преимущественно Мурманской области, взятый из периодической печати, главным образом, областной и районной, полученный в результате бесед с саамами и личных наблюдений во время поездок по Кольскому полуострову.

Книга состоит из введения, девяти глав и заключения. В небольшом введении дается краткий обзор источников и литературы и излагаются задачи, которые поставили перед собой авторы. А. А. Киселев и Т. А. Киселева отмечают, что, задавшись целью осветить историю кольских саамов за годы Советской власти, они не смогли ограничиться только историей, «ибо социалистические преобразования коснулись всех сторон жизни Кольской тундры: экономики, оленеводческого хозяйства, культуры, быта, традиций» (с. 7). Таким образом, наряду с историческими вопросами авторы рецензируемой книги рассматривают и вопросы чисто этнографические.

Первая глава охватывает огромный хронологический период от первых известных на Кольском полуострове стоянок древних людей до начала XX в. и носит вводный характер, подводя читателя непосредственно к тому времени и тем проблемам в истории саамов, которые далее рассматриваются в книге. Говоря о проблеме этногенеза, авторы совершенно справедливо утверждают, что саамы являются древнейшими обитателями европейской тундры. К сожалению, в этой небольшой по объему, но чрезвычайно насыщенной различной информацией главе, характеризующей период, исчисляющийся несколькими тысячелетиями, допущен ряд неточностей. Так, с большей осторожностью следовало бы говорить о том, что древние люди, жившие на Кольском полуострове в VII—V тыс. до н. э., были протолопарями. Непонятно, о каких «рисунках на камнях» идет речь и какие именно сведения «о жизни и занятиях оленеводов» содержатся в них. Насколько нам известно, оленеводство, т. е. разведение домашних оленей, не отражено ни в одной из описанных групп петроглифов Северной Европы. Не совсем правильно и утверждение, что Оттар в IX в. сообщал, будто саамы имеют «внушительные стада домашних оленей» (с. 11). В действительности в рассказе Оттара содержится лишь упоминание о том, что он встретил стадо в 600 домашних оленей, в числе которых было 6 маньчиков. Это первое известное нам свидетельство об оленеводстве у лопарей, которое, по всей вероятности, соответствует его начальной стадии, когда стада домашних оленей были еще сравнительно невелики.

Есть в первой главе и другие неточности. Например, коническое переносное жилище лопарей нельзя называть чумом (с. 12). Чум — жилище сибирских оленеводов, а у лопарей подобный, очень сходный тип жилища носит название *куваксы* (саам, «ку́вас», «кó-вас»).

Большой интерес представляет вторая глава, являющаяся по существу первым демографическим исследованием саамов. Авторы прослеживают изменения в численности саамов с начала XVII в. и по настоящее время, выявляют естественный прирост, возрастной и половой состав, средние размеры семей и т. д. Анализ статистических материалов показывает, что, несмотря на периодические колебания вследствие эпидемий, войн и других причин, численность саамов в царской России, хотя и медленно, продолжала расти. В советское время численность саамов, как показывают Всесоюзные переписи населения, также растет, несмотря на смещение их с окружающими народами, в первую очередь с русскими и коми.

Кроме демографических данных авторы приводят в этой главе материалы об изменениях в расселении кольских саамов, происходивших в результате укрупнения колхозов и совхозов. Представляют интерес также сообщаемые здесь цифры о миграциях саамов за пределы Мурманской области. Так, если по переписи 1926 г. за пределами Кольского полуострова проживало всего пять саамов, то по переписи 1959 г. их стало уже 105, что составило почти 6% их общей численности. Приводимые авторами данные свидетельствуют об усилении контактов и брачных связей саамов с соседними народами, о расширении сферы их занятий, о стремлении получить среднее специальное и высшее образование.

В целом глава, посвященная демографии саамов, представляется очень интересной и составляет важный раздел данной монографии. Но, к сожалению, и она не свободна от некоторых неточностей. Так, на с. 28 говорится, что в конце 1960-х годов основная масса кольских саамов проживала в шести селениях: Ловозере, Краснощелье, Каневке,

Поное, Варзино и Сосновке. В действительности в Поное к этому времени саамов уже не было. Все они еще в начале XX в. были полностью ассимилированы русскими. В Сосновке же жили всего две или три саамские семьи. Невелик был процент саамского населения и в Каневке. В то же время не названы такие селения, как Тулома и Ена, где в конце 1960-х годов проживало довольно много саамов. Кстати, Ена, где саамы живут и теперь, почему-то не названа и далее, на с. 37, где авторы говорят о современном расселении этого народа. Еще одно маленькое замечание по этой главе. Фамилии Артиевы и Маягины — не саамские, первая принадлежит коми, вторая — ненцам.

Следующий большой раздел (главы третья, четвертая и пятая) охватывает период от начала первых социалистических преобразований 1920-х годов до конца 1930-х годов, когда подавляющее большинство саамских хозяйств было уже коллективизировано. Эта часть книги написана в основном по неопубликованным архивным источникам, хранящимся в Государственном архиве Мурманской области и в Партийном архиве Мурманского обкома КПСС, и содержит огромный фактический материал, касающийся хозяйственной и культурной жизни кольских саамов указанного периода. Проследившая весь путь социалистических преобразований у народов Кольской тундры, авторы показывают не только прогрессивный характер происходящих изменений, но и трудности и ошибки, которые неизбежно возникали в ходе этого процесса. Совершенно справедливо отмечается тот факт, что эти трудности усугублялись архаическим уровнем промыслового хозяйства саамов и теми отсталыми формами производственных отношений, которые были характерны для этого народа перед Октябрьской революцией.

Отмечая большую научную значимость раздела в целом, хочется высказать и некоторые замечания, касающиеся в основном пятой главы — «Новый быт, новая культура». Так, говоря о большой культурно-просветительной работе, которая велась среди саамов в эти годы, необходимо было хотя бы в нескольких словах сказать об экспедиции, организованной Русским географическим обществом под руководством проф. Д. А. Золотарева, работавшей среди саамов в конце 1920-х годов и проводившей наряду с научными исследованиями большую практическую работу по оказанию помощи саамам в деле социалистической перестройки хозяйства, культуры и быта. Нельзя в связи с этим обойти молчанием имена антрополога Д. А. Золотарева, врача Ф. Г. Иванова-Дятлова, этнографа В. В. Чарнолуцкого.

О В. В. Чарнолуцком, кстати, надо было сказать и как о замечательном собирателе саамского фольклора, который записал, перевел на русский язык, обработал и, снабдив научными комментариями, издал саамские сказки и легенду об олене-человеке¹.

Одна из глав книги посвящена периоду Великой Отечественной войны. Она написана почти исключительно на архивных материалах и характеризует мало освещенный в литературе период жизни кольских саамов.

Следующий раздел (главы седьмая и восьмая) охватывает весь послевоенный период, начиная с конца 1940-х и кончая 1970-ми годами. Здесь говорится, с одной стороны, о развитии экономики, главным образом о проблемах оленеводства, как основной отрасли хозяйства колхозов и совхозов, где работают саамы, а с другой — о вопросах культурного развития и духовной жизни саамов. Главы содержат большой и интересный материал, значительная часть которого почерпнута из местной периодической печати. Авторы очень хорошо показывают, как при поддержке и помощи советского правительства живет и трудится маленький северный народ — саамы, которые, несмотря на процессы ассимиляции и урбанизации, продолжают развивать свою национальную культуру, сохраняют свой родной язык, свое национальное самосознание.

Освещение авторами вопросов современной жизни кольских саамов вызывает ряд замечаний, которые, впрочем, совершенно не умаляют ценности этого раздела книги. Так, при описании оленеводства, говоря о том, что в настоящее время на Кольском полуострове практикуется полувольный выпас оленей, авторы не объясняют, в чем он состоит. А между тем читателю было бы интересно знать как это, так и то, что современный полувольный выпас с использованием традиционного саамского приема — изгородей — по существу развился из саамского вольного выпаса, когда оленей на лето отпускали в тундру и они до первого снега паслись вольно, без надзора пастухов.

Остается не совсем ясной оценка авторами такого явления, как сокращение оленьего поголовья с 82,8 тыс. в 1972 г. до 65 тыс. голов в 1975—1976 гг. На с. 106 авторы оценивают это явление как положительное, обусловленное ограниченностью размеров кольских пастбищ, не позволяющих беспредельно увеличивать поголовье, а на с. 115 — как негативное, вызванное большим процентом безвестных потерь, просчетами в планировании, бессистемным использованием пастбищ, имевшими место в эти годы, что в целом явилось «причинами временных неудач оленеводства».

Говоря о высоких заработках оленеводов (с. 107, 108), авторы приводят среднюю стоимость трудодня колхозников. Но чтобы составить представление о размерах заработка, нужно знать, сколько трудодней в год зарабатывали колхозники. А этих данных в книге нет. Кроме того, говоря о заработках, доходах колхозов и совхозов, а также о закупочных ценах в послевоенные годы, необходимо было бы сказать о соотношении цен в свете денежной реформы 1961 г.

В последней, небольшой девятой главе рассказывается об условиях жизни саамов в странах Скандинавии и Финляндии. Завершается книга небольшим заключением.

Заканчивая рассмотрение новой книги о саамах, можно сказать, что перед ее авторами стояла трудная задача — показать жизнь маленького северного народа после победы Октябрьской революции в условиях строящегося и затем построенного социалистического общества, показать во всем ее многообразии, со всеми сложностями, проб-

¹ См. Чарнолуцкий В. В. Саамские сказки, М., 1962; его же. Легенда об олене-человеке, М., 1965.

лемами и достижениями. Нет никаких сомнений в том, что авторы справились со своей задачей. Книга А. А. Киселева и Т. А. Киселевой, несомненно, является событием в исторической и этнографической науке. Она представляет интерес не только для ученых — историков и этнографов, но и для краеведов, а также для массового читателя, интересующегося современной жизнью народов Севера.

Т. В. Лукьянченко

Н. К. Гаврилюк. Картографирование явлений духовной культуры (по материалам родильной обрядности украинцев). Киев: Наукова думка, 1981. 279 с.

Картографирование явлений духовной и материальной культуры — одна из центральных задач советских этнографов. Не случайно поэтому проблемы ареальных исследований этнографии в течение последних двух десятилетий стали предметом дискуссий среди ученых разных специальностей. Итоги их обобщены в таких фундаментальных изданиях, как «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии» (Л.: Наука, 1974) и в сборнике «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» (Л.: Наука, 1971, 1974, 1975, 1977, 1978).

В работах, посвященных задачам, методике и общеметодологическим вопросам картографирования традиционных обрядов, основное внимание уделялось свадебной обрядности (статьи К. В. Чистова, А. В. Гуры, Л. С. Гвоздиковой, Г. Г. Шаповаловой, А. К. Байбурина). Картографирование же родильной обрядности в ее историческом развитии впервые предпринял Н. К. Гаврилюк. В этом плане ее монографическое исследование является новаторским и представляет тем больший интерес, что ни в советской, ни в дореволюционной этнографии нет обобщающих исследований о родильной обрядности украинцев.

Поскольку картографический метод доминирует в настоящей работе, то вполне естественно, что она открывается «Введением», посвященным историографии отечественного этнографического картографирования, а также задачам и методике историко-этнографического картографирования родильных обычаев и обрядов. Следующие две главы книги посвящены историко-стадиальному развитию родильной обрядности украинцев. Соответственно в рамках изучаемых исторических периодов выделяются главы «Территориальное распространение традиционных явлений и комплексов родильной обрядности. Конец XIX — начало XX века» и «Современное развитие родильных обычаев и обрядов и их территориальное размещение в Украинской ССР». Названные главы имеют четкую структуру. Каждый тематический раздел соответствующих глав имеет заключительную часть, где подводятся итоги исследования конкретного картографического материала и предприняты попытки его сравнительно-этнографического и историко-типологического анализа. В конце каждой главы дается обобщенная характеристика комплексов родильной обрядности с их вариантами, устанавливается стадиальное развитие этих комплексов, называются их географические границы.

В ряде работ уже приводились количественные данные, характеризующие обрядность других народов (например, латышей, удмуртов¹). В работе же Н. К. Гаврилюк поставлены, вероятно, более сложные задачи, поскольку систематизация и сопоставление элементов или комплексов явлений культуры, относящихся к разным хронологическим датам, с наибольшей полнотой могут быть выполнены только методом картографирования в совокупности с глубоким этнографическим знанием предмета. Книга Н. К. Гаврилюк — удачный пример такого комплексного исследования. Автор изучила периодiku и опубликованные материалы, привлекая одновременно обширную информацию, полученную в итоге собственных экспедиционных разысканий. Следует отметить при этом тщательную разработку типологии картографируемых явлений и многосторонний (сравнительный структурно-функциональный и территориально-пространственный, а также историко-стадиальный) их анализ. Одни только карты (даже без обращения к текстовой части работы) могут служить самостоятельным источником разнообразной информации. Они отражают наличие или отсутствие картографируемых объектов, множество их локальных форм (см., например, карты № 3, 4, 6, 7, 13 и др.) и, таким образом, дают читателю возможность самому решать определенные вопросы, связанные с этнической историей украинцев и историко-этнографическим районированием Украины. Многие карты (№ 5, 9—12, 14 и др.) одновременно отражают также динамику преобразования явлений на разных исторических этапах, что особенно важно для изучения механизма развития народных обычаев и обрядов, отражения в них конкретно-исторических особенностей этноэволюционных процессов. Эти сложные задачи Н. К. Гаврилюк удалось решить благодаря сочетанию картографического метода со сравнительно-историческим подходом к предмету исследования. Между тем, как уже отмечалось в литературе, «несмотря на несомненный интерес, который представляет подобное сопоставление (данных картографического и сравнительно-исторического методов.—Л. Т.), до сих пор проводилось мало исследований, в которых бы использовались оба метода»².

¹ См., например: Пименов В. В., Христолюбова Л. С. Удмурты. Ижевск: Удмуртия, 1976; Устинова М. Я. Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980.

² Кузнецова Т. О. Картографирование и сравнительно-исторический метод.— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1978, с. 85.